

UDC 93/94+343.2

«...FOR OUR HAPPY CHILDHOOD»: JUVENILE CRIMINAL LIABILITY IN SOVIET LEGISLATION OF 1920–1940¹ *Evgeny F. Krinko*² *Iлона V. Yurchuk*

¹ Southern Scientific Centre of RAS
41 Chekhov Pr., Rostov-on-Don 344006
Doctor of History, leading research scientist
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Armavir Law College
106 a Uritsky Str., Armavir 352900, Krasnodar Region
PhD (History), lecturer
E-mail: ilona.anoli@mail.ru

The article is concerned with the dynamics of juvenile criminal liability in Soviet legislation of 1920–1940 and states tightening penalties for young and juvenile offenders under rise in child crime.

Keywords: Gulag, homelessness, Corrective Labour Establishments, punitive measures, juvenile criminal liability, criminal sanction.

Одним из главных достижений советской власти долгое время считалось создание системы охраны детства, призванной на государственном уровне обеспечить социальную защиту той категории граждан, которая в максимальной степени в ней нуждалась. Действительно, права детей были закреплены в Конституции СССР и других нормативно-правовых актах, в стране сформировалась широкая сеть различных детских учреждений, а описания «счастливого детства» нашли широкое отражение на страницах художественных произведений, в кинематографе, других средствах искусства и массовой информации, оказывая существенное воздействие и на профессиональную историографию. Лишь благодаря рассекречиванию архивных документов исследователи стали разрабатывать тему массовых репрессий в СССР, направленных не только против взрослых, но и детей [1].

Следует отметить, что советская репрессивная политика опиралась на соответствующую нормативно-правовую базу. В «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 г. – первом общесоюзном уголовно-правовом акте – само понятие «наказания» было вообще исключено и заменено на «меры социальной защиты советского государства от неустойчивых элементов, случайно попавших на преступный путь», которых поэтому следовало не наказывать, а исправлять путем перевоспитания. В результате места отбытия наказания были переименованы в исправительно-трудовые учреждения, а сами меры социальной защиты делились на три вида: судебно-исправительного характера – собственно наказания, применявшиеся за преступления; медицинского характера – применявшиеся к лицам, признанным невменяемыми, и медико-педагогического характера – к несовершеннолетним в случае замены наказания.

Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 г. исключали применение к несовершеннолетним до 18 лет высшей меры наказания, а также предусматривали обязательное смягчение наказания: в возрасте с 14 до 16 лет – наполовину, с 16 до 18 лет – на треть. Согласно ст.8 «Основных начал уголовного законодательства

Союза ССР и союзных республик», меры наказания к несовершеннолетним применялись лишь в случаях, когда признавалось невозможным применение мер медико-педагогического характера. Определение возраста, по достижении которого наступала уголовная ответственность для несовершеннолетних, случаев обязательного применения к ним мер наказания, а также пределов смягчения мер наказания предоставлялось законодательству союзных республик. При этом нормы уголовных кодексов союзных республик существенно различались между собой, в ряде из них был установлен иной, чем в РСФСР, возраст для возможности привлечения к уголовной ответственности и иные пределы снижения наказания.

В 1930-е гг. положение стало меняться, в уголовном праве место термина «мера социальной защиты» заняло понятие «наказания», а сроки наказания выросли, особенно за политические преступления. Значительные изменения произошли и в уголовно-процессуальном законодательстве, стали широко применяться меры внесудебной расправы. С 1934 г. был введен упрощенный порядок судопроизводства в расследовании террористических актов [2. С. 95], в 1939 г. отменено условно-досрочное освобождение. Исправительно-трудовые колонии из ведомства Наркомата юстиции были переданы в ведение специально созданного Главного управления исправительно-трудовых лагерей и трудовых колоний Наркомата внутренних дел СССР.

Общее ужесточение уголовного и уголовно-процессуального законодательства не могло не сказаться на детях, хотя в течение первой половины 1930-х гг. число осужденных несовершеннолетних сократилась более чем в два раза. Однако 7 апреля 1935 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», где говорилось: «Несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания». Таким образом, не только неоправданно снижался возраст уголовной ответственности до 12 лет по значительной части преступлений, но и восстанавливался принцип применения к несовершеннолетним всех видов наказаний, включая смертную казнь. Впрочем, исследователям не известно случаев применения высшей меры наказания к 12-летним подросткам. Вместе с тем, было установлено тюремное заключение на срок не менее 5 лет для лиц, способствовавших совершению несовершеннолетними преступлений или понуждавших их к занятию спекуляцией, проституцией и нищенством.

Вслед за указанным постановлением был принят целый ряд других нормативно-правовых актов, усиливавших уголовную ответственность несовершеннолетних. Постановление ВЦИК и СНК от 25 ноября 1935 г. «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью» отменило возможность снижения срока наказания для несовершеннолетних правонарушителей в возрасте 14–18 лет. 10 декабря 1935 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета «О привлечении несовершеннолетних с 12 лет за развинчивание рельс и подкладывание на рельсы разных предметов», 28 декабря 1940 г. – указ об ответственности за самовольный уход учеников из ремесленных училищ и нарушение трудовой дисциплины. Наконец, 31 мая 1941 г. последовал указ, по которому несовершеннолетние с 14-летнего возраста привлекались к уголовной ответственности за все преступления наравне с взрослыми.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г. был принят новый Исправительно-трудовой кодекс, по которому местами отбытия наказаний для

несовершеннолетних стали исправительно-трудовые колонии, а также индустриальные и сельскохозяйственные школы фабрично-заводского обучения открытого, полуоткрытого и закрытого типа. В них помещались правонарушители в возрасте 15–18 лет на основании приговора суда, постановлений комиссий по делам несовершеннолетних и других органов. Курс обучения устанавливался в 2–2,5 года, помимо занятий, подростки ежедневно работали на производстве от 4 до 6 часов.

В 1935 г. в НКВД СССР был организован Отдел трудовых колоний (несовершеннолетних), который руководил всеми местами отбывания наказания для детей и подростков. В том же году было принято Положение о трудовых колониях для несовершеннолетних, в которых содержались подростки 12–16 лет и беспризорные 14–16 лет. Несовершеннолетние 16–18 лет, осужденные к лишению свободы, отбывали наказания вместе с взрослыми заключенными. Перестройка работы детских трудовых колоний затянулась, и только с 1939 г. они перестали быть местом «освоения несудимых детей», сюда стали направлять несовершеннолетних, осужденных по решению суда или особого совещания. Всего в 1940 г. в СССР действовало 50 трудовых колоний. Согласно документам НКВД, с детьми в колониях проводилась воспитательная работа, «путем организованных производств им прививались трудовые навыки, после чего их трудоустраивали на предприятиях промышленности или сельского хозяйства» [3. С. 377–378]. Однако, по мнению отечественных исследователей, ужесточение режима содержания вовсе не способствовало перевоспитанию или исправлению подростков, напротив, порождало ненависть к труду, вело к искривлению общественного сознания и формировало пренебрежение к человеческим ценностям [4].

В системе НКВД также действовали приемники-распределители временного пребывания для несовершеннолетних, первоначально являвшиеся местом «первичной обработки несудимых детей», откуда они направлялись в детские трудовые колонии. Затем детей стали направлять родителям, в детские учреждения наркоматов просвещения и здравоохранения или трудоустраивать на производстве. К началу 1940 г. в СССР действовало 162 приемника-распределителя. Для содержания подследственных подростков – правонарушителей в возрасте от 12 до 16 лет, приговоренных судами к различным срокам заключения, когда обычные меры перевоспитания не давали нужного результата, предусматривалось также создание изоляторов. Для принятия решения о переводе подростка в изолятор требовалась санкция прокурора, срок содержания в нем ограничивался 6 месяцами [5. С. 11].

Помимо осужденных несовершеннолетних, с государственным принуждением пришлось столкнуться и многим другим советским детям и подросткам. Одним из принципов советского законодательства являлось применение «коллективных» мер ответственности, среди которых широкое распространение получила административная высылка. В 1920–1930-е гг. высылались целые категории граждан, а накануне и во время Великой Отечественной войны – отдельные народы. По данным П.М. Поляна, всего насильственному переселению в 1920–1952 гг. подверглось более 6 млн чел. [6. С. 147] Вместе с взрослыми в места высылки отправлялись и их дети.

В местах проживания спецпоселенцев была велика детская смертность, в основном, из-за плохих условий проживания, отсутствия необходимого питания. Только во второй половине 1930-х гг. детей спецпереселенцев перестали ограничивать в правах, в основном, при выезде на учебу, а 22 октября 1938 г. было принято постановление СНК СССР «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных». По данному постановлению 16-летние юноши и девушки получали

паспорта на общих основаниях и могли покинуть трудовые поселки, с ограничением проживания в режимных местностях [7. С. 35–36, 73.].

Еще одной пострадавшей категорией стали дети осужденных, численность которых оказалась столь велика, что властям пришлось принимать специальные решения. По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке устройства детей лиц, находящихся под стражей» от 10 ноября 1934 г. их передавали на содержание близким родственникам, а при отсутствии или отказе принять детей – в соответствующие детские учреждения. Детей репрессированных «врагов народа» в возрасте от 1 до 3 лет размещали в детдомах и яслях наркоматов здравоохранения, от 3 до 15 лет – в детдомах наркоматов просвещения других республик, краев и областей, вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов. Учащихся 15–17 лет помещали в детские дома в пределах области, края, республики (за исключением мест, где были репрессированы родители), давая возможность окончить среднее учебное заведение. Несовершеннолетние старше 15 лет, не являвшиеся учащимися, подлежали трудоустройству на предприятиях и учреждениях в пределах области (кроме городов, в которых были репрессированы родители), за исключением предприятий и учреждений оборонного значения. «Социально-опасные» дети, проявлявшие антисоветские настроения, предавались суду на общих основаниях и направлялись в лагеря НКВД.

В условиях Великой Отечественной войны произошло дальнейшее ужесточение законодательства. 7 июля 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о применении всех мер наказания не только за умышленные преступления, но и за преступления, совершенные несовершеннолетними по неосторожности. С 23 декабря 1941 г. разрешалось применение высшей меры наказания к несовершеннолетним с 16-летнего возраста [3. С. 376]. По всей строгости законов военного времени, невзирая на возраст, с подростков спрашивали и за невыполнение производственных планов, несоблюдение трудовой дисциплины.

В целях упорядочения трудового режима несовершеннолетних заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях, был ограничен их рабочий день: для детей в возрасте с 12 до 14 лет – 4 часами, с 14 до 16 лет – 6 часами, с 16 до 18 лет – 8 часами. Все несовершеннолетние заключенные с 12 лет, содержащиеся в трудовых колониях НКВД и не имевшие 7-летнего образования, были обязаны проходить обучение в неполной средней школе по программе Наркомата просвещения для обычных школ. В условиях общих материальных трудностей условия содержания в них в течение всей войны постепенно ухудшались, а нормы снабжения содержания несовершеннолетних неуклонно снижались [3. С. 378–379, 380, 382–382].

По постановлению ГКО СССР от 24 июня 1942 г. аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на пять лет подвергались семьи лиц, перешедших на сторону противника, служивших в его карательных или административных органах, оказывавших содействие немецким оккупантам или добровольно ушедших с ними при освобождении захваченной территории. К «членам семей изменника Родины» относились и его дети, если они жили совместно или находились на иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию. Не подвергались аресту и ссылке они в случае, если в таких семьях оказывались военнослужащие Красной армии, партизаны и лица, награжденные орденами и медалями СССР [8. С. 93–94].

Война вызвала очередной рост беспризорности детей, борьба с которой возлагалась на органы НКВД. По постановлению СНК СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» от 15 июня

1943 г. органы НКВД создали трудовые воспитательные колонии. В них направлялись подростки 11–16 лет, не имевшие родителей или длительное время жившие без них, без определенного места жительства, задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых признавалось нецелесообразным, а также воспитанники детских домов, систематически нарушавшие внутренний распорядок и дезорганизовавшие учебу и воспитание. К концу 1943 г. общая численность подростков в трудовых воспитательных колониях достигла 50 тыс. чел., а в 1944 г. были созданы дополнительно колонии еще на 10 тыс. мест [3. С. 408].

В соответствии с постановлением СНК СССР от 16 января 1944 г. при Прокуратуре СССР была создана группа по делам о несовершеннолетних, на которую возлагался надзор за исполнением законов о борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью; общее руководство расследованием преступлений несовершеннолетних и осуществление надзора за расследованием, производимым органами милиции; надзор за законностью судебных приговоров по делам о несовершеннолетних и за местами заключения для несовершеннолетних [3. С. 401].

В целом, уголовные наказания несовершеннолетних в большинстве случаев не имели политического характера. Ужесточение мер уголовной ответственности было продиктовано общими тенденциями социально-экономического и политического развития страны и советского законодательства. В условиях кардинальных социальных трансформаций действительно повысился уровень детской преступности, что во многом было обусловлено материальными проблемами и трудностями повседневной жизни советских граждан в 1930–1940-е гг. Однако власть отреагировала на это принятием необоснованно жестких мер в отношении несовершеннолетних, фактически переложив всю ответственность на них самих.

Примечания:

1. Кринко Е.Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 4. С. 6–19; Самсоненко Т.А. Детские дошкольные учреждения в южнороссийской колхозной деревне 1930-х гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 3. С. 38–41; Иванцов В.Г. Судьба дважды репрессированного // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 3. С. 46–50.
2. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М.: Материк, 2000. 888 с.
3. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М.: МФД, 2002. 629 с.
4. Горчева А.Ю. Детские лагеря ОГПУ и НКВД и пресса // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1993. № 4. С. 13–23.
5. Бубличенко В.Н. Детские закрытые учреждения НКВД – МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. Сыктывкар, 2007. 23 с.
6. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с.
7. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.
8. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 222 с.

УДК 93/94+343.2

**«...ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО»: ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 1920–1940-х гг.**

¹ Кринко Евгений Федорович

² Юрчук Илона Вадимовна

¹ Южный научный центр РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Армавирский юридический техникум
352900, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Урицкого, д. 106а
кандидат исторических наук, преподаватель
E-mail: ilona.anoli@mail.ru

В статье рассматривается динамика уголовной ответственности несовершеннолетних в советском законодательстве 1920–1940-х гг. Отмечается ужесточение наказаний для детей и подростков в условиях роста детской преступности.

Ключевые слова: ГУЛАГ, детская беспризорность, исправительно-трудовые учреждения, репрессии, уголовная ответственность несовершеннолетних, уголовное наказание.